

бовь, тот не боится; потому что любовь вон изгоняет страх” [7, с.18].

Таким образом, можно сделать вывод о существовании нескольких уровней религиозной веры. Первый из них – «вера просительная» (со множеством условий) помогает выжить человеку, ориентированному на страх, который порожден чувством обособленности индивидуума, воспринимающего себя как смертное Тело-Эго. Этот уровень веры является своеобразной попыткой преодолеть страх и неуверенность в завтрашнем дне с помощью религии. Наиболее распространенной формой взаимодействия с Божеством в данном случае является молитва-прошение.

Совершенной формой религиозной веры может считаться только «вера абсолютная» (безусловная), достижение которой является основной целью мистической практики просветления. Она характеризуется полным уничтожением Эго, формированием безусловного доверия и любви к Богу. Абсолютная вера рождается ненасильственным путем, при отсутствии волевого принуждения над разумом.

Особенностью веры в имманентных мистических учениях является признание тождественности Брахмана и Атмана. Следовательно, человек должен быть тем, кем он в действительности является, то есть Атманом. Можно сказать, что вера в данном случае приобретает форму доверия к самому себе, вернее, к своему истинному «Я». Трансцендентно-имманентные мистические учения призывают к поклонению некой внешней силе, от которой зависит жизнь всего «тварного» мира. Поэтому религиозная вера приобретает форму доверия к этой внешней силе, что подразумевает безусловную отдачу Ее воле.

Источники и литература

1. Джемс У. Многообразие религиозного опыта. – СПб.: «Андреев и сыновья», 1993. – 418 с.
2. аббат Тома де Сен Лоран. Книга доверия. – Paris, Lumieres sur, l'Est, 1993. – 76 с.
3. Лосский Вл. Очерк мистического богословия Восточной церкви // Мистическое богословие. – К., 1991. – С. 95–260.
4. Шри Рамана Махарши. Будь тем, кто ты есть! Наставления Шри Раманы Махарши. – М. – Тируваннамалай: Изд-во К.Кравчука, 2002. – 351 с.
5. Ошо. Храбрость. Радость жить рискуя. – СПб.: ИД «Весь», 2003. – 224 с.
6. Раджниш О. Горчичное зерно. – К.: «София», Ltd, 2002. – 496 с.
7. Святой Ефрем Сирий. Духовные наставления. – М.: Сретенский монастырь; “Новая книга”; “Ковчег”, 1998. – 304 с.
8. Уолш Нил Доналд. Беседы с Богом: необычный диалог. Кн.1. – К.: “София”, М.: “Гелиос”, 2002. – 336 с.
9. Хаксли О. Вечная философия. – М.: «Рефлбук», – К.: «Ваклер», 1997. – 336 с.
10. Цветник духовный. Назидательные мысли и добрые советы, выбранные из творений мужей мудрых и святых. – М.: Типография И. Ефимова, 1903. – 234 с.

Кононенко Т.В.

РОДИОН РОМАНОВИЧ РАСКОЛЬНИКОВ КАК МАРГИНАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Фигура Ф.М. Достоевского, его жизненный путь, творчество являются знаковыми для русской литературы и философии. Ф.М. Достоевский – символ русской культуры. Центральной проблемой его творчества выступает проблема человека. Он исключительно антропологичен и антропоцентричен. В первую очередь писателя интересует внутренний мир человека. Он пытается постичь глубину человеческой психики, подвергнуть тщательному анализу иррациональное начало человека.

Один из парадоксов Ф.М. Достоевского состоит в том, что изобличая зло, порочность и греховность человека с одной стороны, он показывает их привлекательность с другой стороны. В лице Ф.М. Достоевского русская литература XIX века не только выводит типаж маргинальной личности, но и создает идеологию данного типажа, делает его привлекательным для человека, стоящего перед выбором своей ценностной системы, своего «Я». Родион Романович Раскольников, Николай Всеволодович Ставрогин, Иван Федорович Карамазов – три главных философа-идеолога маргинальной бунтующей личности. Их философия по сути – Танатология, философия Смерти и Разрушения.

Наша статья презентует одну из структурных частей диссертационного исследования, посвященного проблеме маргинальной личности в русской философии. Цель статьи – представить ценностную систему маргинальной личности на примере Родиона Романовича Раскольникова, центрального персонажа романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание».

Это исследование обусловлено актуальностью проблемы своеволия и произвола в условиях развития современного общества. Современный человек расширяет границы своей свободы, забыв об ответственности, о праве другого человека на свободу и самореализацию.

Научная новизна, научно-теоретическое значение данной работы определяются спецификой аксиологического подхода к анализу базовых ценностей личности, в первую очередь феномена свободы, и феноменолого-герменевтического метода, в рамках которых совершается это исследование.

Среди последних публикаций в области философской антропологии, аксиологии, этики мы выделяем работы И.В. Бычко (экзистенциальная философия), Г.В. Гребенькова (аксиологический подход к проблеме человека), С.Б. Крымского (проблема человека, ценностей, смысла жизни), Ф.В. Лазарева (философские маргиналии), В.А. Малахова (вопросы этики), В.Г. Табачковского (философская антропология), В.В. Шкоды (русская философия).

Для Ф.М. Достоевского проблема человека – это проблема свободы. По этому поводу Н.А. Бердяев пишет: *«Достоевский берет человека отпущенным на свободу, вышедшим из-под закона, выпавшим из космического порядка и исследует судьбу его на свободе, открывает неотвратимые результаты путей*

свободы. Достоевского прежде всего интересует судьба человека в свободе, переходящей в своеволие. Вот где обнаруживается человеческая природа [1, с.407]». В свою очередь проблема свободы трансформируется русским писателем в проблему преступления, зла.

Исследуя природу преступления, Ф.М. Достоевский выделяет две основные точки зрения. Представители первой акцентируют социальный характер преступления, определяют преступление как протест против социальной несправедливости. Представители второй позиции объясняют преступление особым внутренним состоянием человека. Исходя из этого положения, Ф.М. Достоевский в лице Родиона Романовича Раскольникова классифицирует людей на «обыкновенных» и «необыкновенных». «Обыкновенные» – это «низший» разряд, «материал», служащий единственно для зарождения себе подобных. «Обыкновенные» люди живут «в послушании», не имея права переступить закон, «потому что они, видите ли, обыкновенные». Быть послушными – это их назначение. Второй разряд, люди «необыкновенные», являются «законодателями» и «установителями» человеческого рода. Они призваны сказать «новое слово». Исходя из данного предназначения, «необыкновенные» люди могут «всячески» преступать закон. Это право на преступление, право на кровь.

Закономерен вопрос: как отличить первый разряд от второго? Устами одного из своих героев Ф.М. Достоевский замечает: «Потому, согласитесь, если произойдет путаница и один из одного разряда воображит, что он принадлежит к другому разряду, и начнет «устранять все препятствия»... [2, с. 315]». С точки зрения Раскольникова, такая классификация людей обусловлена законом природы. Однако суть этого закона Родион Романович не может четко сформулировать: «Закон этот, разумеется, теперь неизвестен, но я верю, что он существует... [2, с.315]». Ф.М. Достоевский фиксирует таким образом один важный момент. «Необыкновенный» человек позволяет себе быть «необыкновенным». Он «имеет право... то есть не официальное право, а сам имеет право разрешить своей совести перешагнуть... через иные препятствия... [2, с.313]». Право на преступление, право на кровь есть экзистенциальный, ценностный выбор самого человека. Как отмечает Ф.М. Достоевский, это выбор «по совести». Идея в союзе с волей дают человеку мужество стать «необыкновенным»: «Но если ему надо, для своей идеи, перешагнуть хотя бы и через труп, через кровь, то он внутри себя, по совести, может, по-моему, дать себе разрешение перешагнуть через кровь, – смотря, впрочем, по идее и по размерам ее, – это заметьте [2, с.314]». В отличие от «необыкновенных», люди «обыкновенные» «никогда далеко не шагают», они «сами себя посекут, потому что очень благонравны». Именно совесть не позволяет «обыкновенному» человеку переступить границу общепринятых норм. В этом – коренное отличие двух разрядов.

Большинство людей являются «обыкновенными», это – «масса». «Необыкновенных» же людей чрезвычайно мало. «Первый разряд всегда – господин настоящего, второй разряд – господин будущего. Первые сохраняют мир и приумножают его численно; вторые двигают мир и ведут его к цели [2, с.314]». «Необыкновенные» люди – разрушители по своей сути, они требуют «разрушения настоящего во имя лучшего». Каждый человек, способный сказать «новое слово», является преступником, поскольку он нарушает общепринятые правила и традиции.

Ю.Н. Давыдов, один из знатоков западноевропейской и русской экзистенциальной философии, отмечает: «Достоевский ... был прав. Всякое преступление, сколь бы гнусным и бессовестным оно ни было, все-таки нуждается в известном самооправдании, в том, чтобы в чьих-то глазах – пусть это будут, на худой конец, глаза самого же преступника, – оно выглядело не как подлость и пакость, а как «жестокая необходимость», «отчаянная храбрость» или осуществление «высшего права». Факт, свидетельствующий о неотчуждаемости *моральной* рефлексии от человеческого сознания, даже если это нагло лгущее самому себе сознание закоренелого преступника: и здесь порок платит свою дань добродетели, совершая для этого своеобразную операцию «переоценки всех ценностей», а точнее – переименования всех имен.

Со своей стороны, социология и психология преступности также достаточно убедительно свидетельствуют, что любой бандит и убийца – это человек, отнюдь не пребывающий «вне» или «по ту сторону» морали вообще. Он также ищет или создает свою «мораль», а обретя ее, цепко за нее держится. Разумеется, тут совершенно специфическая мораль: мораль преступного мира, преступной группы. Или, если преступник предпочитает жить и действовать в одиночку, – сконструированная им самим для «внутреннего употребления» мораль «исключения». У нее есть свои постулаты, свои представления о добре и зле и свои способы их обоснования, вовсе не лишены метафизического аспекта, сколь бы варварское выражение он ни получал на уровне «вербализации». Причем основная особенность «метафизики», лежащей в основе преступной морали, заключается в том, что она с параноидальной настойчивостью решает единственную задачу: представить весь мир так, чтобы на его фоне преступление уже как бы и не выглядело преступлением, а преступник – преступником. Тем самым в сознании преступника создается некий механизм, почти автоматически осуществляющий упомянутое нами переименование имен [3, с.20].

В этих положениях Ю.Н. Давыдова мы выделяем для себя два ключевых момента. Во-первых, факт «неотчуждаемости *моральной* рефлексии от человеческого сознания». Человек устроен таким образом, он ориентирован на общество, точнее, на общественное мнение и общественную мораль. По этой причине Раскольников и находит этически окрашенное обоснование убийства. С одной стороны – «глупая, бессмысленная, ничтожная, злая, большая старушонка, никому не нужная и, напротив, всем вредная». С другой – «молодые, свежие силы, пропадающие даром без поддержки». «За одну жизнь – тысячи жизней, спасенных от гниения и разложения. Одна смерть и сто жизней взамен... [2, с.168]». Здесь выносятся на обсуждение проблема: позволительно ли единичное преступление, если цель хороша. Во-вторых, мораль и философия, философствование как жизненный принцип, жизненный стиль тесно связаны между собой. Ю.Н. Давыдов далее пишет: «Здесь мы вновь сталкиваемся лицом к лицу с философией, так как оказывается, что никакая мораль, в том числе и преступная, не может пользоваться иной метафизикой, кроме той, что изобретается профессиональными философами... Вопрос состоит лишь в том, какую из множества конкурирующих друг с другом «метафизик» предпочтет именно преступное сознание, сознание насильни-

ка и убийцы, – какую ассимилирует оно в целях «переоценки ценностей» или «переименования имен», а какую отвергнет как бесполезную для этих целей либо чуждую и враждебную им [3, с.20–21]». С точки зрения Ю.Н. Давыдова, наиболее подходящей философией для «преступного сознания» является западноевропейский экзистенциализм, ведущий свою родословную от А. Шопенгауэра и Ф. Ницше. Однако, именно русская философия, русская литература XIX – XX веков выводит образ маргинальной личности, четко определяет ее ценностную систему. Если, согласно Ю.Н. Давыдову, западноевропейский экзистенциализм в лице А. Шопенгауэра и Ф. Ницше открывает в истории философии, культуры «остров Смерти», то, с нашей точки зрения, именно русская философия, в первую очередь Ф.М. Достоевский, открывает «остров Искушения». Более того, речь идет о двойственном характере и искушения, и искусившихся. Во-первых, человек, будучи «слабым» и «подлым» по сути, искушается «чудом», «тайной» и «авторитетом», фактически он искушается уютным бытом, отсутствием свободы и главное – ответственности. Во-вторых, в среде уже однажды искусившихся появляются идеологи и, как следствие, «философия Искушения», «философия Греха». Эгоцентризм, приоритет свободы как базовой ценности для избранных, в конечном итоге ее абсолютизация становятся главным жизненным принципом. В истории философии, литературы, культуры в целом рождается новая ценностная система, новый «герой», которого мы определяем как маргинальную личность.

Родион Романович Раскольников – философ-практик, философ-убийца. В основе его мировоззренческой, ценностной системы находится принцип элитарности, исключительности: «...я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... [2, с.432]». Раскольников выводит закон отношений между человеком «необыкновенным», героем, и людьми «обыкновенными»: «...кто крепок и силен умом и духом, тот над ними и властелин! Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее! Так доселе велось и так всегда будет! [2, с.434]». В условиях богоутраты и, как следствие, смыслоутраты единственной ценностью становится власть. «Свобода и власть, а главное власть! Над всею дрожащею тварью и над всем муравейником!.. Вот цель! [2, с.366]».

В своих рассуждениях Раскольников логичен. Он утверждает абсолютный характер свободы, вседозволенности. Если свобода человека действительно абсолютна, то он должен убивать, поскольку преступление, в частности убийство, является высшей формой проявления абсолютной свободы, вседозволенности. Власть дается «только тому, кто посмеет наклониться и взять ее... стоит только посметь! [2, с.434]». «Я ... я захотел *осмелиться* и убил... [2, с.435]». Однако именно преступление, реальное действие, обесценивает концепцию Раскольникова. На практике он алогичен. Осмелившись и убив, Родион Романович не выносит своего преступления. Устами Аркадия Ивановича Свидригайлова, еще одного персонажа романа, Ф.М. Достоевский оглашает приговор Раскольникову: «Он очень страдал и теперь страдает от мысли, что теорию-то сочинить он умел, а перешагнуть-то, не задумываясь, и не в состоянии, стало быть, человек не гениальный... Русские люди вообще широкие люди... но беда быть широким без особенной гениальности [2, с.490-491]».

Подведем итог. Мы определяем Родиона Романовича Раскольникова как маргинальную личность, исходя из следующих показателей. Во-первых, имеет место сознательное противостояние социуму, доходящее до мизантропии, во-вторых, одиночество выступает как наиболее приемлемая форма экзистенции, в-третьих, Раскольников культивирует принцип разрушения и самого себя, и окружающего мира, в-четвертых, в условиях богоутраты и смыслоутраты он абсолютизирует свободу человека, что в итоге выливается в преступление.

Трагедия Раскольникова, на наш взгляд, трагикомична. Он создает, безусловно, волевую логичную концепцию. «Сила, сила нужна: без силы ничего не возьмешь; а силу надо добывать силой же... [2, с.261]». Парадокс ситуации состоит в том, что автор и носитель данной концепции оказывается ее недостойным. Подчеркнем еще раз: здесь практика не подтверждает теорию. В конце романа, как известно, Ф.М. Достоевский пытается «воскресить» своего героя посредством любви. Эта попытка выглядит чрезвычайно натянутой. Далеко не каждая человеческая жизнь является полноценной и счастливой. Разрушив себя и идеи, и реальным действием, способен ли Раскольников «воскреснуть»? – Вопрос остается открытым.

Литература

1. Бердяев Н.А. Смысл творчества: Опыт оправдания человека. – Харьков: Фолио; – М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 688 с.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. Роман в шести книгах с эпилогом // Достоевский Ф.М. Избранные сочинения. – М.: Худож. лит., 1990. – 606 с.
3. Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 317 с.

Масаев М. В.

СИМВОЛИЗМ ДРЕВНЕРУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ЗРИТЕЛЬНОГО ОБРАЗА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПАРАДИГМАЛЬНЫХ ОБРАЗОВ И СИМВОЛОВ ЭПОХ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Концепция парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций изложена в наших работах [1, с. 132-136], [2, с. 210-221], [3, с. 199-205], [4, с. 296-304], [5, с. 203-204], [6, с. 96], [7, с. 96-106], [8, с. 148-149].

Суть ее состоит в том, что отдельные образы отдельных эпох и цивилизаций в единстве с тем, что они отображают, становятся символами, которые могут создавать и создают научные парадигмы эпох различ-